

ТЕМА «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА И ГОГОЛЯ

Ни об одном писателе Гоголь не говорил с таким волнением и восторгом, как о Пушкине. «Он просто благоговел перед созданиями Пушкина», — замечал П. В. Анненков¹. И Пушкин в свою очередь восхищался произведениями Гоголя. Оценивая «Вечера на хуторе близ Диканьки», Пушкин указывал на исключительные художественные достоинства этого гоголевского цикла. «Все это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился», — восклицал Пушкин².

Двух гениальных русских писателей связывали не только теплые личные отношения, но и, главным образом, общие эстетические позиции. Оба они утверждали реализм, стремясь создать верное, предельно правдивое изображение действительности. Именно принцип жизненной правды позволил им стать творцами большого народного демократического искусства.

Эти передовые эстетические позиции Пушкин и Гоголь утверждали в борьбе с реакционными сервилитскими литераторами — с «булгаринской группой»³, обслуживавшей правящие верхи николаевской России.

«Булгаринская группа» напала на Гоголя, объявив его «грязным писателем», и сравнивала его с Поль де Коком, тем самым безмерно принижая его творчество. В журнале «Библиотека для чтения» один из рецензентов говорил: «Главный недостаток творений Поль де Кока это выбор предмета повести, которые всегда почти у него грязны и взяты из дурного общества. Этот недостаток г. Панько-Рудый (т. е. Гоголь. — Н. Ф.) разделяет с ним в полной мере»⁴.

Рисуя в своих произведениях широкие картины русской жизни, Пушкин и Гоголь боролись за нового героя — так называемого «маленького человека». Нужно было не только изобразить этого героя, но и защитить саму правомочность его появления в литературе. Очень интересны в этом смысле некоторые места из неоконченной поэмы «Езерский», где Пушкин, изображая «смирного» и «простого» чиновни-

ка, заранее угадывал те нападки, которыми будет встречено его появление в литературе:

Допросом музу беспокоя,
С усмешкой скажет критик мой:
«Куда завидного героя
Избрали вы! Кто ваш герой?»
—А что? Коллежский регистратор.
Какой вы строгий литератор!
Его пою — зачем же нет?..

Поэт демонстративно противопоставляет своего демократического героя стершимся образцам «ходовой» литературы, рассчитанной на внешний эффект и отвечающей мещанским вкусам:

Я в том стою — имел я право
Избрать соседа моего
В герои повести смиренной,
Хоть человек он не военный,
Не второклассный Дон-Жуан,
Не демон — даже не цыган,
А просто гражданин столичный,
Каких встречаем всюду тьму...

Пушкин последовательно шел по пути демократизации героев, создавая целую серию образов «маленьких людей». При этом он всегда помнил о том, что светские круги и реакционные журналисты отрицательно относятся к этим образам. Показателен выбор эпитафии к «Станционному смотрителю». Предпослав повести несколько видоизмененные строки из стихотворения Вяземского «Станция» («Коллежский регистратор, почтовой станции диктатор»), Пушкин, по сути дела, полемизировал с отразившимся в этом стихотворении высокомерно-шутливым аристократическим третинованием «маленького человека» — «сущего мученика четырнадцатого класса», жизнь которого представляет собой «настоящую каторгу».

По тем же путям развивалась эстетическая мысль Гоголя. И особой заслугой Пушкина Гоголь считает изображение «маленьких людей». Называя «Капитанскую дочку» «решительно лучшим русским произведением в повествовательном роде»⁵, Гоголь прежде всего обращает внимание на то, что в этой повести «в первый раз выступили истинно

русские характеры: простой комендант крепости, капитанша, поручик... простое величие простых людей» (VIII, 384).

Вслед за Пушкиным Гоголь утверждает, что для настоящего художника «нет низкого предмета в природе. В ничтожном художник-создатель так же велик, как и в великом» («Портрет»). Не обращая внимания на нападки критиков «булгаринской группы», обвиняющих его в том, что он рисует «грязные», «черные» сцены, Гоголь в каждом своем новом произведении смело выводит «маленьких людей».

Все это относится и к «Петербургским повестям» с их городской тематикой и острой постановкой проблемы бедности и богатства. В них Гоголь, как и Пушкин, прямо указывает на то, что, сочувственно изображая «простых» героев, он выступает против реакционной литературы. В начале «Шинели» он сообщает читателю, что описывает заурядного титулярного советника, «над которым, как известно, натрунились и наострились вдоволь разные писатели, имеющие похвальное обыкновение налегать на тех, которые не могут кусаться», и таким образом подчеркивает, что его гуманистическое отношение к «маленькому человеку» не имеет ничего общего с установившейся точкой зрения. Работая над «Петербургскими повестями», Гоголь имел перед собой творческий опыт Пушкина, уже показавшего «маленьких людей» на фоне городской жизни. Само жанровое определение восходит к пушкинской поэме «Медный всадник» с подзаголовком «Петербургская повесть». Таким образом, критики и исследователи верно почувствовали близость «петербургских» произведений Пушкина и Гоголя и терминологически ее отразили.

У Гоголя нет высказываний о «Медном всаднике». Только в письме к Максимовичу от декабря 1833 г. Гоголь в связи с собиранием материала для альманаха «Денница» сообщает о том, что Пушкин «написал путешествуя две большие пьесы, но отрывков из них не хочет давать, а обещается написать несколько маленьких» (X, 288). «Две большие пьесы» Пушкина — это поэмы «Анджело» и «Медный всадник». Нет никакого сомнения в том, что Гоголь хорошо знал «Медного всадника». Гоголь должен был особенно заинтересоваться этой поэмой, так как его всегда увлекала многогранная личность Петра I, и он внимательно следил за работой Пушкина над архивными материалами для его истории (отметим, впрочем, что в «Петербургских повестях» поч-

ти нет упоминаний о конной статуе Петра I, играющей столь важную идейную и сюжетную роль в «Медном всаднике»; лишь в «Шинели» фигурирует часто пересказываемый чиновниками «вечный анекдот о коменданте, которому пришли сказать, что подрублен хвост у лошади фальконетова монумента»⁶.

«Медный всадник» (1833) теснейшим образом связан с другой поэмой Пушкина, также имеющей петербургскую тематику, — с «Домиком в Коломне» (1830). Окруженный «некрашеным забором» «ветхий домик», в котором Евгений мечтает найти свое счастье и который так безжалостно уничтожается наводнением, несомненно, «перешел» в «Медного всадника» из «Домика в Коломне». В обеих поэмах это — «смирренная лачужка», где живут вдова и ее дочь Параша. И в обеих поэмах она не только находится в тихой, непричастной к столичной суете части города, но и явно противопоставлена величественным дворцам Петербурга.

Гоголь восторженно отозвался о «Домике в Коломне» и увидел в этой поэме прежде всего верное отражение петербургской жизни. «У Пушкина повесть, октавами писанная: Кухарка, в которой вся Коломна и петербургская природа живая», — сообщал он Данилевскому (X, 214). И, конечно, слово «природа» употреблено здесь в оеобом смысле. Никаких картин природы в пушкинской поэме нет; Гоголь явно имеет в виду живое изображение петербургского быта.

В «Петербургских повестях» Гоголя действие нередко разворачивается именно в Коломне с ее тихим полупровинциальным укладом жизни. «Пушкинская» Коломна здесь как бы предстает перед нами в ряде эпизодов.

И так же, как и Пушкин, Гоголь прежде всего хочет воспроизвести своеобразный облик Коломны. Он подчеркивает, что «тут все не похоже на другие части Петербурга; тут не столица и не провинция; кажется, слышишь, перейдя в коломенские улицы, как оставляют тебя молодые желанья и порывы». Пушкин и Гоголь одинаково обращают внимание читателя на тишину, царящую на коломенских улицах. В пушкинском «Домике в Коломне» мы узнаем, что смотрящая на луну Параша

...Слушала мяуканье котов
По чердакам свиданий знак нескромной,
Да стражи дальний крик, да бой часов
И только. Ночь над мирною Коломной
Тиха отменно. Редко из домов
Мелькнут две тени.

Почти то же самое говорит о редко нарушаемой коломенской тишине Гоголь во второй части «Портрета»: «Жизнь в Коломне страх уединенна: редко покажется карета, кроме разве той, в которой ездят актеры, которая громом, звоном и бряцаньем своим одна смущает всеобщую тишину».

Разумеется, что отнесение места действия к Коломне в «петербургских» произведениях Пушкина и Гоголя далеко не случайно. Оно находит объяснение в том, что именно в этой полупровинциальной части города было легче всего найти законченные типы «маленьких людей», совсем не связанных с блестящей жизнью обеспеченных верхов столицы и окруженных скромной бытовой обстановкой.

Однако не только выбор героев и бытового антуража роднит гоголевские «Петербургские повести» с произведениями Пушкина. Наиболее важно, что Гоголь и Пушкин показывают гибель «маленьких людей», разбивающих свои лучшие желания об уродливость и жестокость городской действительности с ее глубокими социальными и этическими противоречиями.

В судьбе «маленьких людей» Пушкин подчеркнул ее острый трагизм. Гибнет станционный смотритель, у которого светский повеса увозит дочь. Гибнет Евгений, превращаясь в безумца и после долгих страданий умирая возле полуразрушенного домика, в котором он думал основать свое счастье. Даже в «Домике в Коломне» с ее комическим сюжетом есть намек на то, что быт и надежды «маленьких людей» неизбежно и неумолимо разрушаются. Мысли поэта об участи его героев окрашены в меланхолические тона:

Лачужки этой нет уж там. На месте
Ее построен трехэтажный дом.
Я вспомнил о старушке, о невесте,
Бывало тут сидевших под окном,
О той поре, когда я был моложе,
Я думал: живы ли они? — И что же?
Мне стало грустно...

В этих строчках заключено зерно «Медного всадника», где Пушкин рассказал о том, как могли погибнуть «старушка» и «невеста» — обитательницы «тихой» Коломны.

Трагизм судьбы «маленьких людей» подчеркнут Гоголем в большинстве «Петербургских повестей». Гибнет молодой художник Пискарев, приходящий в ужас при виде развращенной городом, продажной красоты. Гибнет и другой мо-

лодой художник Чартков, постепенно превращающийся в маньяка, скрягу и преступника и, наконец, умирающий в страшных мучениях. Гибнет Поприщин, в сознании которого бьется чувство собственного достоинства, приобретающее болезненные, нелепые формы и доводящее героя до сумасшествия.

В плане предельного обострения трагических ситуаций, разрешающихся гибелью героя, особенно интересна творческая история «Шинели». Как известно, Гоголь положил в основу сюжета повести случайно услышанный им «канцелярский анекдот» о «бедном чиновнике»⁷.

Гоголь решительно отказался от его благополучного финала. Он намекнул на возможность такого конца, но лишь затем, чтобы его отвергнуть. Когда Акакий Акакиевич лишается шинели, товарищи «решились тут же сделать для него складчину, но собрали самую безделицу, потому что чиновники и без того уже много истратились, подписавшись на директорский портрет и на одну какую-то книгу по предложению начальника отделения, который был приятелем сочинителю, — итак, сумма оказалась самая бездельная». Таким образом, случайный исход «канцелярского анекдота» Гоголь заменил жизненно типичной ситуацией: Акакий Акакиевич должен погибнуть; к этому приводит его суровая действительность, сживающая со света «маленьких людей».

С трагизмом судьбы «маленьких людей» связана одна из наиболее существенных тем «Петербургских повестей» — противоречие действительности и «мечты», данного и должного. Гоголь показывает, что внешний блеск столичной жизни скрывает уродливые контрасты бедности и богатства и глубоко ненормальные человеческие отношения. Сам Гоголь, девятнадцатилетним юношей попавший в Петербург и ставший скромным необеспеченным чиновником, пережил психологически тягостное для него «развоплощение» своих «идеальных» представлений о столичной жизни. Петербург показался Гоголю «вовсе не таким», как он думал (X, 136—137), и его «восторг» провинциала, приехавшего в столицу, «быстро сменился совершенно противоположным настроением», особенно когда его «стали беспокоить страшные петербургские цены и разные мелочные дрязги»⁸. Тема «вечного раздора мечты с существенностью» — основная в «Невском проспекте». Трактовка темы несоответствия действительности и «мечты», возникшая как результат внимательных наблюдений Гоголя над столичной жизнью, была связана с

творческим опытом Пушкина, еще раньше приметившего и запечатлевшего противоречия Петербурга. Это становится ясным при сопоставлении «Медного всадника» Пушкина и гоголевской «Шинели».

Острый трагизм судьбы пушкинского Евгения заключен в беспощадном разрушении жизнью его мечты о личном счастье. Пушкин проводит эту мысль через всю поэму и прямо говорит о «мечте» Евгения, упорно повторяя это слово:

Так он разнежился сердечно
И размечтался, как поэт...
Так он мечтал, но грустно было
Ему в ту ночь...

Высшего трагического напряжения мотив «мечты» достигает в том эпизоде поэмы, где Евгений во время наводнения живо представляет себе гибель «ветхого домика» и его обитателей и понимает, что действительность уничтожила все его надежды. Отчаянье заставляет Евгения перенести противоречие действительности и «мечты» из сферы своей личной судьбы в плоскость общих вопросов о смысле и цели человеческой жизни:

...иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка рока над землей?

На том же противоречии действительности и «мечты» строится сюжет гоголевской «Шинели». Скромность «мечты» отражает жизненную непритязательность героя. Этим предметом становится для Акакия Акакиевича новая шинель, ради которой он готов идти на систематические жертвы. Мечта о новой шинели преображает Акакия Акакиевича, и он становится менее безличным и робким. «Он сделался как-то живее, даже тверже характером, как человек, который уже определил и поставил себе цель. С лица и с поступков его исчезло само собою сомнение, нерешительность, словом — все колеблющиеся и неопределенные черты». И когда Акакий Акакиевич надел новую шинель, он чувствовал себя совершенно счастливым. Именно потому так трагична для него потеря: он расстается не только с шинелью, но и с мечтой о «приличном» человеческом существовании. Рассказав о смерти «маленького человека», Гоголь еще раз подчеркивает мотив гибели «мечты», называя Акакия Акакиевича

беззащитным «существом», «для которого все же, хотя перед самым концом жизни, мелькнул светлый гость в виде шинели, ожививший на миг бедную жизнь, и на которое так же потом нестерпимо обрушилось несчастье, как обрушивается оно на главы сильных мира сего!..».

Конечно, в сюжете и проблематике «Шинели» и «Медного всадника» есть целый ряд существеннейших различий. Не вдаваясь в детали этого вопроса, укажем, что Евгений вообще не осуществляет своей «мечты», в то время жизненное крушение Акакия Акакиевича наступает с гибелью уже реализованной «мечты». И, что еще важнее, в то время как у Пушкина в «Медном всаднике» тема несоответствия действительности и «мечты» дана как одна из граней философско-исторической проблемы взаимоотношений государства и личности в классовом обществе, Гоголь в «Шинели» связывает эту тему с углубленным анализом противоречий, основанных на неравенстве городской жизни, где каждому человеку «прежде всего нужно объявить чин», и тем самым придает повести чисто социальную окраску, которая впоследствии стала типичным признаком «натуральной школы». Пушкин, рисуя Евгения, отмечает скупым штрихом, «что был он беден»; Гоголь делает одной из решающих причин трагедии Акакия Акакиевича его материальную необеспеченность. Вопрос о том, на какие деньги сделать шинель, становится для него почти неразрешимым и подлинно трагическим: новая шинель приобретается им путем систематических самоограничений, отказа от самых необходимых жизненных удобств и даже «голодания по вечерам».

Но, повторяем, Пушкин и Гоголь с одинаковой чуткостью уловили в жизни маленького петербургского чиновника трагическое несоответствие действительности и «мечты». И едва ли нужно сомневаться в том, что, создавая «Шинель», Гоголь учитывал творческую разработку этой темы в пушкинском «Медном всаднике». Вместе с тем, продолжая традиции Пушкина, он дал эту тему в «Петербургских повестях» с высокой и благородной гуманностью.

Пушкин не просто нарисовал станционного зрителя, но и привлек сочувствие читателей к этому «сущему мученику четырнадцатого класса», не огражденному своим чином даже «от побоев». Уже в начале повести, рассказав о его тяжелой участи, Пушкин восклицал: «Вникнем во все это хощенько, и... сердце наше исполнится искренным сострада-

нием». Именно «сострадание» вызывают в авторе несчастья Самсона Вырина: «Они сильно тронули мое сердце».

Высокая и благородная гуманность Пушкина чувствуется и в «Медном всаднике». Предельно скупыми средствами подчеркнута в поэме жалость автора к Евгению, пережившему крушение мечты о личном счастье. Пушкин прочно «прикрепляет» к Евгению эпитет «бедный», часто повторяя его в поэме: «Но бедный, бедный мой Евгений...».

Гоголь в «Шинели» подчеркивает беззащитность Акакия Акакиевича и в то же время осуждает обеспеченных людей, лишенных чувства гуманности. При этом мы узнаем, что притеснители «маленького человека» относятся к светскому кругу, для представителей которого характерны черствость и жестокость. В начале повести Гоголь рассказывает о молодом человеке, который на всю жизнь запомнил фразу Акакия Акакиевича «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете», эти «проникающие слова», обращенные к издевающимся над «маленьким человеком» людям. «И закрывал себя рукою бедный молодой человек, и много раз содрогался он потом на веку своем, видя, как много в человеке бесчеловечья, как много скрыто свирепой грубости в утонченной образованной светскости и, боже! даже в том человеке, которого свет признает благородным и честным...». Описание переживаний молодого человека незаметно переходит в авторскую речь, превращается в подлинное обличение.

Традиция гуманности по отношению к «маленьким людям», унаследованная Гоголем от Пушкина, нашла выражение не только в «Шинели», но и в «Записках сумасшедшего».

Поприщин — далеко не положительный образ. Социальная униженность сочетается в Поприщине с определенным стремлением к господству и повышенным сословным самосознанием: Поприщин гордится тем, что он дворянин «благородного происхождения», а не вышел «из каких-нибудь разночинцев, из портных, или из унтер-офицерских детей». Из Поприщина легко может получиться притеснитель Акакия Акакиевича. Однако по своему реальному положению Поприщин является типичным «маленьким человеком», несущим все тяготы петербургской жизни, это, по определению Белинского, «жалкий человек», ведущий «жалкую жизнь»⁹. В «Записках сумасшедшего» нетрудно заметить нотку жалости, испытываемой Гоголем к своему герою. «Записки сумасшедшего» заканчиваются отчаянным обращением Поприщина к матери, сразу переводящим повест-

вание из комического в лирический и даже трагический план: «Матушка, спаси своего бедного сына! Уронн слезинку на его больную головушку! посмотри, как мучат они его! прижми к груди своей бедного сиротку! Ему нет места на свете! его гонят! — Матушка! пожалей о своем больном дитятке!..» (далее следует заключительная фраза, возвращающая повествование в прежний комический план и создающая гротесковый стилиевой контраст, — «А знаете ли, что у алжирского бея под самым носом шишка?»).

В этом трагическом обращении, как и в «Медном всаднике», с необычайной выразительностью звучит эпитет «бедный», прикрепленный к «маленькому человеку». Поприщин восклицает: «Чего хотят они от меня **бедного?**»; ср. в «Шинели»: «Наконец, **бедный** Акакий Акакиевич испустил дух». Но замечательнее всего, что в том же психологическом колорите и лирическом тоне выдержаны строки из посланного в 1829 г. письма самого Гоголя к матери: «Простите, милая, великодушная маменька, простите своему несчастному сыну, который одного только желал бы ныне — повергнуться в объятия ваши и излить перед вами изрытую и опустошенную бурями душу свою, рассказать всю тяжкую повесть свою» (X, 151). Рисую Поприщина, Гоголь вложил в его переживания много «своего», навеянного невзгодами собственной жизни в Петербурге. Нотку жалости ясно услышал Белинский, писавший о «Записках сумасшедшего» как об «одном из глубочайших произведений Гоголя»¹⁰: «Вы еще смеетесь над простаком, но уже ваш смех растворен горечью; это смех над сумасшедшим, которого бред смешит и возбуждает сострадание»¹¹.

Но не только трагическое несоответствие действительности и «мечты» заметили Пушкин и Гоголь в судьбе «маленького человека». В его психологии они оба увидели робость, сложившуюся как естественный результат воздействия городской жизни, постоянно напоминающей «маленькому человеку» о его бессилии и «ничтожестве». А вместе с тем они с одинаковой силой подчеркнули, что в глубинах сознания «маленького человека» скрываются ощущение социальной несправедливости и дух протеста, вырывающийся наружу в моменты катастрофических душевных потрясений.

Пушкинский Евгений полон смирения. Он невысоко оценивает свои способности, полагая, «что мог бы бог ему прибавить ума и денег...».

В своем обыкновенном «смирненном» состоянии Евгений

очень далек от какого-либо протеста и ограничивается тем, что с горечью сравнивает себя с баловнями судьбы — представителями обеспеченных классов:

Ведь есть
Такие праздные счастливыцы,
Ума недалежного ленивыцы,
Которым жизнь куда легка!

Но потрясенный гибелью мечты о личном счастье Евгений в состоянии безумия решает бросить вызов «медному всаднику»; он действует «как обуянный силой черной», наводя «дикие взоры» на своего врага:

Добро строитель чудотворный!
Шепнул он злобно задрожав.—
Ужо тебе!..

Совершенно так же дан бунт «маленького человека» в «петербургских повестях» Гоголя. Запуганный и приниженный Акакий Акакиевич исполнен страха перед начальством. Приходя с просьбой о розыске шинели к значительному лицу, он «уже заблаговременно почувствовал надлежащую робость» и «несколько смутился»; он «обмирает», как только значительное лицо начинает на него кричать. Но эту «надлежащую робость» он теряет незадолго до смерти, когда находится «в бреде и жару» и ему «беспрестанно» представляются «явления одно другого страннее». В этом состоянии болезненного возбуждения он, как и пушкинский Евгений, доходит до прямой хулы на «сильных мира сего». Мы узнаем, что он временами «даже сквернохульничал, произнося самые страшные слова, так что старушка-хозяйка даже крестилась, от роду не слыхав от него ничего подобного, тем более, что слова следовали непосредственно за словом «ваше превосходительство».

Замечательно, что, как и в «Медном всаднике» Пушкина, в «Шинели» существовал вариант, обострявший и раскрывавший протест «маленького человека» и выпущенный автором по цензурным соображениям. В первой редакции конца «Шинели» пояснялось, что бредящий Акакий Акакиевич «сквернохульничал, выражаясь совершенно извозчичьим слогом или тем, которым производят порядки на улицах, чего от роду за ним не бывало от времен самого рождения. — Я не посмотрю, что ты генерал, — вскрикивал он иногда голосом таким громким. — Я у тебя отниму шинель. Я Платону

Ивановичу столоначал(ьнику) нажалуюсь (наконец)» (III, 456). Таким образом, в этом варианте Акакий Акакиевич грозно и грубо говорил о моральной ответственности значительного лица, точно указывая его чин и угрожая ему возмездием. Но и здесь проявлялись забитость и социальная униженность мелкого чиновника. Акакий Акакиевич обещал пожаловаться на значительное лицо столоначальнику, так как последний был для него живым воплощением могущества (в повести сообщалось, что даже «какой-нибудь помощник столоначальника» поступал с Акакием Акакиевичем «холодно-деспотически»).

Так же бунтует и гоголевский Поприщин: он приходит к протесту власти в ненормальном, болезненном состоянии. В начале повести Поприщин полон чиновничьего почтения и уверен, что директор департамента — «голова», «должно быть, очень умный человек». Но под влиянием сильного потрясения Поприщин начинает задавать себе социальные вопросы; он хочет узнать, «отчего происходят все эти разности» («отчего я титулярный советник и с какой стати я титулярный советник»). Иногда он поднимается до подлинного социального пафоса, утверждая, что неравенство не может быть разумно обосновано. «Все, что есть лучшего на свете, все достается или камер-юнкерам или генералам, — пишет Поприщин. — Найдешь себе бедное богатство, думаешь достать его рукою, — срывает у тебя камер-юнкер или генерал... Ведь через то, что камер-юнкер, не прибавится третий глаз на лбу. Ведь у него нос не из золота сделан, а так же, как и у меня, как и у всякого; ведь он им нюхает, а не ест, чихает, а не кашляет» (любопытно, что представляющий собой оксюморон образ «бедного богатства» есть у Пушкина; ср. строку «Мне жизни дался бедный клад» из стихотворения Пушкина «Мое беспечное незнание...»).

Но, конечно, к Поприщину нельзя подходить с «нормальной меркой». В «Записках сумасшедшего» Гоголь гениально изобразил постепенно развивающееся помешательство, используя для этого рассказы о душевнобольных¹². По определению Белинского, он дал в повести «психическую историю болезни, изложенную в поэтической форме»¹³. Душевная болезнь Поприщина прогрессирует, и его обостренное чувство собственного достоинства переходит в манию величия.

Итак, Пушкин и Гоголь с высокой и благородной гуманностью нарисовали образ «маленького человека» — бедного петербургского чиновника, вечной трагедией которого яв-

ляется несоответствие действительности и «мечты». При этом «петербургские повести», отражая присущее Гоголю великолепное знание городской жизни 30-х годов, в то же время вобрали в себя творческий опыт Пушкина.

Реалистические произведения Пушкина, ярко и правдиво запечатлевшие русский быт, вызывали восхищение Гоголя. В своем художественном развитии Гоголь шел от пушкинской бытописательной манеры. И он прекрасно понимал, что эта манера имеет свои особенности, определяемые выбором тематики. Характеризуя эволюцию Пушкина от южных поэм к произведениям 30-х годов, Гоголь замечал: «Нельзя теми же красками, которыми рисуются горы Кавказа и его вольные обитатели, изобразить более спокойный и гораздо менее исполненный страстей быт русский» (VIII, 52).

Отметим, что современники Пушкина и Гоголя чувствовали глубокую и органическую связь их бытописательных произведений 30-х годов. В. Ф. Одоевский даже предлагал Пушкину напечатать предполагаемую новую серию «Повестей Белкина» в одном альманахе с двумя «петербургскими повестями» Гоголя — «Невским проспектом» и «Портретом» (в этом альманахе Одоевский хотел напечатать и свою повесть «Княжна Мими»). Сообщив Пушкину, что Гоголь предлагал назвать будущий альманах «Тройчаткой или Альманахом в три этажа», Одоевский правильно наметил ту линию реалистической бытописи, которая определилась в пушкинских «Повестях Белкина» и была продолжена в гоголевских «петербургских повестях». Пушкин не принял предложения, но принципиально отнюдь не возражал против проекта Одоевского, поддержанного Гоголем, по-видимому, ощущая близость своей и гоголевской прозы.

Пушкинские и гоголевские произведения, посвященные жизни столичного «маленького человека», сближает прежде всего их бытописательный характер, обусловивший особенности жанра, сюжета, языка и т. п. Разрабатывая «петербургскую» тематику, Пушкин и Гоголь создают именно повести — произведения «среднего» эпического жанра, в которых главную роль играет не субъективно-лирическое начало, а рассказ о событиях из жизни героя; события эти всегда разворачиваются на фоне столичного быта, отраженного во всем его своеобразии. Пушкин прямо называет своего «Медного всадника» «петербургской повестью», тем самым подчеркивая необычность жанра этого стихотворного произ-

ведения. «Петербургской повестью» является и пушкинский «Домик в Коломне». Это бросилось в глаза Гоголю, вообще считавшему поэму разновидностью повести¹⁴ и определившему «Домик в Коломне» как «писанную октавами» «повесть», в которой запечатлелась «живая» «петербургская природа», т. е. петербургский быт¹⁵. Жанровый вид «петербургской повести» как бы перешел к Гоголю, как одно из завоеваний пушкинского реализма. К «петербургским повестям» Гоголя целиком относится общее определение повести, данное им в проспекте «Учебной книги словесности для русского юношества»: «Повесть избирает своим предметом случаи, действительно бывшие и могущие случиться со всяким человеком, случай почему-нибудь замечательный в отношении психологическом, иногда даже вовсе без желанья сказать нравоучение, но только остановить внимание мыслящего или наблюдателя» (VIII, 482).

Сюжеты «Петербургских повестей» Пушкина и Гоголя пронизаны социальными мотивами. В «Медном всаднике» одной из основных жизненных проблем для Евгения становится достижение независимости, которую мелкий чиновник может получить лишь при помощи упорного труда («Трудом он должен был себе доставить и независимость и честь»). Самое личное счастье неразрывно связано для Евгения с этой проблемой. И если в «Медном всаднике» центральное место занимают философско-исторические вопросы, то в «Шинели» социальные мотивы еще более углублены: существеннейшей причиной гибели Акакия Акакиевича является бедность, материальная необеспеченность. Отметим в связи с этим, что в основе ряда «петербургских повестей» с трагическим сюжетом лежит неожиданное, катастрофическое событие, лишаящее «маленького человека» всех его скромных достижений и лучших надежд (наводнение в «Медном всаднике», ограбление Акакия Акакиевича в «Шинели»). Это событие приводит героя к сильнейшему моральному потрясению, а затем к смерти — обычной развязке «петербургской повести» с трагическим сюжетом. Сюда же примыкает и пушкинская повесть «Станционный смотритель», герой которой проходит такие же этапы, как Евгений и Акакий Акакиевич (катастрофическое событие, моральное потрясение, смерть).

Вместе с тем Пушкин и Гоголь создают «петербургские повести» с комическим сюжетом, в центре которых стоит какое-либо «необыкновенно-странное происшествие» из сто-

личной жизни («превращение» кухарки в мужчину в «Домике в Коломне», удивительная потеря майора Ковалева в «Носе»). Сюжет и содержание «петербургских повестей» этого типа Пушкину и Гоголю пришлось защищать от нападков «булгаринской группы». Правомерность существования такого рода повестей Гоголь специально обосновывал в проспекте «Учебной книги словесности для русского юношества». Здесь он отмечает, что повесть часто «берет с сатирической стороны какой-нибудь случай, тогда делается значительным созданием, несмотря на мелочь взятого случая, такова «Модная жена» Дмитриева, «Граф Нулин» Пушкина, который сверх того имел значительное выражение, как живая картина. Иногда даже само происшествие не стоит внимания и берется только для того, чтобы выставить какую-нибудь отдельную картину, живую характеристическую черту условного времени, места и нравов, а иногда и собственной фантазии поэта» (VIII, 482). Нетрудно убедиться в том, что, давая это определение сатирической повести и устанавливая ее историко-литературную генеалогию, Гоголь выдвигает на первый план бытописательное значение произведений этого рода.

Делая главным героем «петербургских повестей» с трагическим сюжетом «маленького человека», Пушкин и Гоголь стремятся подчеркнуть его социальную типичность. В неоконченной поэме «Езерский», тесно связанной с «Медным всадником», Пушкин замечал, что ее герой — «просто гражданин столичный, каких встречаем всюду тьму». И не случайно в «Медном всаднике» сказано, что Евгений «где-то служит». Пушкин не считает нужным сообщать точный «адрес» службы Евгения, так как его герой ничем не выделяется из общей массы бедных чиновников. Совершенно тот же прием находим в начале «Шинели». Акцентируя типичность Акакия Акакиевича, Гоголь рассказывает о том, что «в одном департаменте служил один чиновник». Точное указание места службы, заключенное в черновых вариантах «Шинели» («департаменте податей и сборов, — который, впрочем, иногда называют департаментом подлостей и вздоров» — III, 446), Гоголь опустил, по-видимому, не только по цензурным соображениям, но и потому, что оно ослабило бы подчеркнутую типичность образа.

Следует отметить, что в «петербургских повестях» всегда присутствует личность автора, активно оценивающая события с гуманистической точки зрения и выражающая сочувст-

вие к «маленькому человеку». В «Медном всаднике» она проявляет себя в эпитетах и восклицаниях, подсказанных жалостью к гибнущему «маленькому человеку», например:

Но бедный, бедный мой Евгений...
Увы! Его смятенный ум
Против ужасных потрясений
Не устоял.

В «Шинели» оценка автором происходящих событий дается в более развернутых формах и воплощается в целом ряде отступлений: Гоголь от собственного лица говорит о бесчеловечности светских людей, контрастирующей с их «приличным» внешним обликом, или о горестной судьбе такого «ничем не защищенного» и «никому не интересного» «существа», каким был Акакий Акакиевич.

Что же касается «петербургских повестей» с комическим сюжетом («Домик в Коломне», «Нос»), то основным авторским тоном становится здесь шутливо-фамильярный разговор с читателем, приобретающий характер дружеского признания (см., например, стихи из «Домика в Коломне»: «Признаться вам, я в пятистопной строчке люблю цезуру на второй стопе»; ср. в «Носе»: «Как авторы могут брать подобные сюжеты. Признаюсь, это уж совсем непостижимо...»).

И наиболее важный эстетический элемент «петербургских повестей» — реалистическая бытопись, свидетельствующая о глубоко демократизме художественного метода Пушкина и Гоголя. Оба они смело вводят в литературу «низкую» жизнь «маленьких людей» во всей ее бытовой правде, превращая ее в художественный факт огромной ценности. Недаром Гоголь любил в произведениях Пушкина картины «полной разнообразия внешней жизни» (VIII, 154). В «Капитанской дочке» он считал замечательным творческим достижением не только «истинно русские характеры», но и описание «самой крепости» «с единственную пушкой» (VIII, 384).

Рисуя бедных чиновников и других обитателей петербургских окраин, Пушкин и Гоголь целиком погружают их в быт. Многие портреты в «петербургских повестях» включают чисто бытовые детали. В «Домике в Коломне» «старушка» (мать Параша) «носила чепчик и очки». В «Шинели» также отмечено, что жена портного Петровича «носит даже чепчик, а не платок» и под этот чепчик заглядывают «гвардейские солдаты». Тщательно «выписывается» одежда героя. В этом смысле показательны частые упоминания о шинели

бедного петербургского чиновника: в «Медном всаднике» «домой пришел, Евгений стряхнул шинель»; в «Портрете» молодой Чартков носит «старую шинель и нещегольское платье»; в «Записках сумасшедшего» Поприщин тоже носит плохую шинель — «очень запачканную и притом старого фасона»; наконец, в «Шинели» весь сюжет повести строится на том, что «маленькому человеку» трудно сделать себе новую зимнюю одежду. Подробно рассказывается о кушаньях и их приготовлении: в «Домике в Коломне» Параша варит «гречневую кашу»; в «Шинели» хозяйка Акакия Акакиевича, «готовя какую-то рыбу, напустила столько дыму в кухне, что нельзя было видеть и самых тараканов». Во всей непрезентабельности изображается жилище «маленьких людей»: в «Домике в Коломне» — «смирренная лачужка» вдовы и ее дочери стоит «за самой будкой», в ней всего лишь «светелка, три окна, крыльцо и дверь»; в «Медном всаднике» мы узнаем, что этот «ветхий домик» окружен «некрашеным забором». Еще больше конкретных подробностей этого типа у Гоголя: в «Портрете» молодой Чартков взбирается к себе в мастерскую «по лестнице, облитой помоями и украшенной следами кошек и собак». В «Шинели» Акакий Акакиевич тоже поднимается по лестнице, ведущей к портному Петровичу, «которая, надобно отдать справедливость, была вся умащена водой, помоями и проникнута насквозь тем спиртуозным запахом, который ест глаза и, как известно, присутствует неотлучно на всех черных лестницах петербургских домов».

Все это позволяет нарисовать не только внутренний облик бедного петербургского чиновника, но и скромную внешнюю обстановку его жизни, бесконечно далекую от блестящего аристократического быта. В этом смысле самый стиль «петербургских повестей» Пушкина и Гоголя обнажал социальные противоречия феодально-буржуазного города. Находя, что «маленький человек» может и должен быть предметом искусства, Пушкин и Гоголь стремились передать его живую речь во всей ее бытовой характерности и тем самым проводили ту демократизацию русского литературного языка, которая так возмущала реакционную «булгаринскую группу». Гоголь считал, что именно Пушкин «показал все... пространство» русского языка и «раздвинул ему границы» (VIII, 50). Особенной заслугой Пушкина была для Гоголя его любовь к народной речевой стихии. На основании живого общения с Пушкиным Гоголь писал: «Все великие люди,

от Пушкина до Суворова и Петра, благоговели перед нашими пословицами» (VIII, 392). Изображающий жизнь обитателей петербургских окраин, Гоголь пошел вслед за Пушкиным, в свою очередь «раздвигая границы» русского литературного языка. Речь героев пушкинских и гоголевских «петербургских повестей» полна «просторечных» и чисто народных оборотов и выражений. В «Медном всаднике» мысли Евгения о личном счастье приобретают форму, близкую к народным поговоркам: «Щей горшок да сам большой... Чего мне боле?». В «Домике в Коломне» дан бытовой разговор вдовы с мнимой кухаркой, первые же слова которой должны своим народным «складом» ликвидировать возможные подозрения хозяев: «А как зовут?» — «А Маврой». — «Ну, Мавруша, живи у нас...». Такое же воспроизведение бытовой характерности речи героев находим у Гоголя: «Эх, канальство» — восклицает Поприщин, думая о директорской дочке; «Сухарь поджаристый!» — ругает в «Носе» цирюльника Ивана Яковлевича его жена. Что же касается главного героя «Шинели» Акакия Акакиевича, то Гоголь подчеркивает ограниченность его умственного кругозора приемом амплификации: «Так этак-то! вот какое уж точно, никак неожиданное, того... этого бы никак... этакое-то обстоятельство!» — говорит самому себе Акакий Акакиевич, размышляя о том, что ему придется шить новую шинель.

В эту реалистическую бытопись в пушкинских и гоголевских «петербургских повестях» вкраплены мотивы фантастики. Введение этих мотивов является в данном случае художественным приемом, позволяющим заострить и раскрыть социальную проблематику произведения.

В «Медном всаднике» сошедшему с ума Евгению кажется, что его преследует «грозный царь»:

И во всю ночь безумец бедный
Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжелым топотом скакал.

Этот фантастический эпизод, реалистически мотивированный безумием героя, нужен Пушкину для того, чтобы подчеркнуть трагизм судьбы «маленького человека» в самодержавно-крепостнической России.

Яркую социальную окраску приобретает фантастика в «Шинели». После смерти Акакия Акакиевича на петербургских улицах появляется чиновник-мертвец, ищущий какой-

то «уташенной шинели» (его появление реалистически мотивируется «слухами»). Он сдирает «со всех плеч, не разбирая чина и звания», самые разнообразные шинели, пока не добирается до шинели значительного лица, которую и снимает со словами: «А! так вот ты, наконец! наконец я тебя того, поймал за воротник! твоей-то шинели мне и нужно, не похлопотал об моей, да еще и распек — отдавай же теперь свою!»¹⁶. Таким образом осуществляется заключенная в первой редакции финала угроза бредящего Акакия Акакиевича значительному лицу: «Я у тебя отниму шинель». Гоголь резко подчеркивает моральную ответственность значительного лица, его виновность в гибели Акакия Акакиевича и больше не нуждается во введенном им фантастическом образе. Чиновник-мертвец, как бы олицетворяющий возмездие, исчезает, выполнив свою роль мстителя: «С этих пор совершенно прекратилось появление чиновника-мертвеца: видно, генеральская шинель пришлась ему совершенно по плечам...».

Итак, Пушкин и вслед за ним Гоголь создали новый жанровый вид — «петербургскую повесть», характеризующуюся демократизацией всех элементов стиля (сюжета, языка и т. п.). Продолжая реалистические традиции Пушкина, Гоголь в рамках этого жанрового вида типизирует образ «маленького человека» и вместе с тем погружает его в быт, воспроизводя конкретные детали обстановки, окружающей бедного петербургского чиновника. Тем самым он становится на путь, который в дальнейшем пошла «натуральная школа», названная Белинским школой Гоголя и занявшая место «на первом плане русской литературы»¹⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анненков П. В. Литературные воспоминания. СПб., 1909, с. 23.

² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16-ти т. М.; Л., 1949, т. XI, с. 216 (далее сноски даются по этому изданию с указанием тома и страниц).

³ О борьбе Пушкина и Гоголя с «булгаринской группой» см. в нашей ст. «Пушкинские темы в «Портрете» Гоголя» (Русская литература, 1963, № 1, с. 106—110 и след.).

⁴ Библиотека для чтения, 1834, т. 3, с. 32.

⁵ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14-ти т. М., 1952, т. VIII, с. 380—381 (далее ссылки даются по этому изданию с указанием тома и страниц).

⁶ Возможно, этот «анекдот» рассказал Гоголю Пушкин, когда работал в 1833 г. над «Медным всадником».

⁷ Анненков П. В. Указ. соч., с. 25.

⁸ Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1892, т. I, с. 151.

⁹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13-ти т. М., 1953, т. I, с. 297.

¹⁰ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 661.

¹¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 297.

¹² Анненков П. В. Указ. соч., с. 21.

¹³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 297.

¹⁴ «Повесть разнообразится чрезвычайно. Она может быть даже совершенно, поэтической и получает название поэмы...», — писал Гоголь в проспекте «Учебной книги словесности для русского юношества» (VIII, 492).

¹⁵ Нельзя считать типичной «петербургскую повесть» «Пиковую даму» Пушкина, так как, хотя действие и разворачивается в Петербурге, в повести нет установки автора на изображение будничного быта «маленького человека».

¹⁶ Как указал М. А. Цявловский, в этом эпизоде гоголевской повести отразились переданные Пушкиным истории «о дерзких ограблениях в центре города высокопоставленных лиц» (Звенья. М., 1950, т. VIII, с. 23).

¹⁷ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 296, 287.

Е. Н. СТРОГАНОВА

(Калининский госуниверситет)

ПУШКИНСКОЕ НАЧАЛО В ПОВЕСТИ Л. ТОЛСТОГО «ДВА ГУСАРА»

В 1856 г. в «Современнике» была напечатана повесть «Два гусара» — одно из самых пушкинских произведений молодого Толстого. Трудно себе представить, чтобы в годы, когда шла ожесточенная полемика о пушкинском и гоголевском направлениях в литературе, обращение Толстого к Пушкину не было в достаточной степени осознанным. О том, что в этот период Толстой живо интересуется Пушкиным, мы узнаем из его дневниковых записей в июне 1856 г.¹ Если в марте-апреле, работая над «Двумя гусарами», Толстой и не читает Пушкина, то имя его, несомненно, актуально для Толстого так же, как и для его современников. Проблема пушкинского начала в повести представляется важной, потому что уже первые ценители увидели в ней стремление автора противопоставить представителей двух поколений, и это мнение закрепилось в литературоведении². Но сводить весь смысл повести к противопоставлению отца и сына Турбиных — это значило бы во многом обеднить и упростить ее. Выявление пушкинского начала в «Двух гусарах» помогает, на наш взгляд, более глубокому и точному прочтению повести.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
КАЛИНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. С. ПУШКИН
И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сборник научных трудов

Калинин 1983